

К учителю с любовью!

УЧИТЕЛЬСТВО

А. РОМАНОВ

Учительство — самая родная для меня среда жизни. Смала запомнил, как отец вечерами склоняется над стопками ученических тетрадей. По избе уже бродит сон, дед и бабушка храпят, а маме не спится, ворочается на кровати и тихо ворчит на отца. Я же, притворившись, что сплю, скрытно из-под одеяла люблюсь им, склонившимся под рыжим венчиком лампы. Меня так и тянет скинуть одеяло, сесть рядом с тятей (в тридцатые годы в наших деревнях ребятки своих отцов называли тятями) и порисовать в новом альбоме, принесенном им из Воробьева. Но я не смею ему помешать. Вот наконец гаснет лампа, чувю, как отец поправляет мое одеяло, и я ушываю в сон, будто в теплую зыбь нашей реки Двилицы.

В тридцатые годы у нас в избе собирались пожилые одноподеревенцы. Шла ликвидация неграмотности, и отец преподавал им самые необходимые азы. Тут и мама уже не ворчала: интересно было и ей писать маленькие диктантки, а потом обсуждать свои ошибки. Помню, как хохотали бабы и мужики, когда отец читал их писанину вслух: столько выявлялось всяких словесных несуразностей. И я, шестилетний озорник, крутился около отца и тоже учился маракать в тетрадке. О, как радовались те, кого хвалил отец за малое число ошибок! И меня по головке гладил...

Надо сказать, что и сам-то отец все эти годы учился заочно. Летами ездил в Вологду на сессии и сдавал экзамены. Сперва окончил педагогический техникум, а затем учительский институт. Так он — первый Александр Александрович в нашем фамильном роду, не выходя из крестьянства, оказался в интеллигенции, стал завучем Воробьевской семилетней школы и преподавал в ней русский

язык и литературу. Школа была деревянная, двухэтажная, обжитая еще в царские времена. Она сияла большими окнами и красовалась в тополях и липах на старинном тотемском тракте. Радостно разносились здесь звонкие ребячьи голоса, и ответно им осыпался веселый грачиный гвалт из гнездовий, похожих на огромные черные чаши.

Отец любил Воробьевскую школу. Был терпелив, когда к учительским заботам добавлялись неотложные общественные поручения: то колхозные собрания о тревожном международном положении, то клубные репетиции со школьной самодеятельностью. Да еще в своем колхозе "Спайка" избран председателем ревизионной комиссии. Уйма всяких дел! Лишь спустя годы я осознал, что отцова жизнь и вправду была подвижнической. Бессчетно успешный вкладывалось им в общественные дела и заботы. Ни о какой выгоде и думушки у него не было. Бессребренник!..

И тут на беду нашу вспыхнула Великая Отечественная война. И отец стал лейтенантом — командиром стрелкового взвода. Раненный в боях за Новгород, а вторично подо Мгой, он посылал нам из госпиталей, а затем вновь с фронта, из-под Выборга, озабоченные не о себе — о нас письма. Мать слезно молилась перед иконами. А я, учившийся в седьмом классе, вдруг взялся за стихи. Уж очень сильно взволновало меня обращение И. В. Сталина к советскому пароду и Красной Армии: "Пусть вдохновляет вас в этой борьбе мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!".

Какие могучие и страстные слова! Они злободневны и духовно подъемны даже теперь, в пору нынешней всероссийской разрухи. А тогда, весной 1944 года, я складывал по ночам возле светца с пылавшими лучинами первую свою поэму. И красивые угольки стрекали с лучины в корытце с водой, гасли, а в моей тетрадке будто бы вспыхивали под карандашом стихотворные строки. Так страстно писал я свою первую поэму, о великом князе Дмитрии Донском, разгромившем в Куликовской битве разноплеменные войска темника Мамаю. Много ночей провел я у светца и все-таки завершил поэму и сразу же послал отцу на фронт. О, как волновался, ожидая от него ответа!..

И вот письмо — помятый треугольник с цензурным штампом. Отец утешал маму, упрашивал не надсажаться через силу, а меня

похвалил за поэму. Подробно разобрал ее и указал на значительные недостатки. О, зоркое отцовское слово! Оно оказалось для нас последним его утешением. Последней его весточкой... Наш дорогой отец погиб в затяжных боях под Выборгом в июне 1944 года. Похоронное извещение надолго свалило маму в постель. Лишь к осени мало-помалу оправилась она от паралича рук. И мы, три его сына, стали сиротами...

А на розыски того фронтового места (цифрового квартала), указанного в посмертном извещении, я отправился спустя много лет. И с помощью Выборгского военкомата нашел-таки эти скорбные места на болотистом побережье озера Ихангала-Ярви, уже переименованного в Петровское озеро. Потому так трудны и безысходны оказались первоначальные мои поиски.

*...Белели чайки лишь окрест
Да сосны зеленели...
Я перед скорбью этих мест
Свалился на колени.
— Отец ты слышишь ли меня? —
К земле припал в печали.
Каменя, душу леденя,
Молчанье источали...*

А когда наткнулся на извилистые траншеи, заваленные грудями позеленевших и оржавевших патронов, упал я в этот страшный полумрак, в эту знобящую тишину великого горя...

*Лишь сосны, как ответ земли,
С озерных косогоров
Над головою пронесли,
Похоже, тихий говор.
И в нем, как слабый ветерок,
Далекий вологодский:
— Что задержался-то, сынок? —
Провеял вздох отцовский.
И я в шуриании песка
Шептал, теряя силы:
— Прости, что долго я искал,
Тебя мы не забыли.
Отец, промолви, где лежишь?.. —
Но мой вопрос напрасный*

*Унес встревоженный камыш
В озерное безгласье...*

Офицеры Выборгского военкомата ознакомились с привезенными мной последними письмами отца и с похоронным извещением, в котором указывался квадрат последнего боя. И ожгло его имя в братском мемориале.

*... Там обций памятник стоит.
Там в скорбный ряд с другими
Я на одну из многих плит
Занес отцово имя.
Одну строку меж тысяч строк,
Но ведь — из тьмы безгласной!
И положил туда венок
От нас, зелено-красный.
Венок под именем — ветвист!
И чуткие березки
Легко роняют желтый лист
В глубокий сон отцовский...*

А школьным, самым первым моим учителем был Василий Васильевич Зайцев, в ту пору совсем молодой, статный, смуглолицый, с веселым и зорким взглядом. Потом, как и мой отец, он тоже был на фронте, в тяжелых боях, но, слава Богу, уцелел и до самой пенсии проработал в одной и той же Ивановской начальной школе. Вместе со своей Александрой Васильевной — верной женой и доброй учительницей. Теперь годами живя в Петряеве, я бываю у них в доме. И вспоминаем мы минувшие годы...

И дивюсь, что радость того первоначального учения помнится мне и по сию пору, как прохладная белизна распахнутых тетрадей. И до обмирания сердца сладостны впервые выведенные тобою буквы и слова. цифры и числа. А учительские отметки! О, эти красные снегири в твоих тетрадях! Они летят за тобою из детства в юность, оповещая о каждодневном просветлении твоего ума и сердца...

В юности судьба подарила мне другого замечательного наставника, Николая Ирриарховича Янусова. Он называл себя преподавателем российской словесности. Случилось это в 1945 году, после моего окончания Воробьевской школы. И незабываемое это событие произошло в Вологодском педагогическом училище. В том самом, где учился и мой отец. Да, в том старинном красивом доме в центре Вологды, в котором жил выдающийся русский поэт Коф-

стантин Николаевич Батюшков. Большая мемориальная доска на фронте этого особняка сияет золотыми словами о бессмертии нашего земляка. И я написал лирическую поэму "Дом Батюшкова", посвященную дорогому учителю литературы Николаю Принарховичу Янусову.

*Звонок! И в шумный класс вошел
Медлительный преподаватель.
Портфель невиданно большой
Пронес он в бережном объёме.
Мы стихли. Поклонился он.
Назвался, ставя нас в известность,
Что с гимназических времен
Ведет российскую словесность.
Словесность! О, старинный слог
И смысл, осознанный впервые!
Он осветил, вознес, возжег
Во мне дремавшие порывы.
Учитель стар. И голос глух.
Но возвышался перед нами
И говорил — как думал вслух —
Он величавыми словами.
Смотрели мы в его глаза —
Как в мир, до этого незримый,
И он внушительно сказал:
"Здесь жил Поэт, в России чтимый.
Поэт с душою огневой!
Он много вынес потрясений.
И юный Пушкин у него,
Да, у него учился гений!.."
Учитель взглядывался в нас
И вдруг отвлекся на мгновенье:
"А кто попробовал хоть раз
Сложить свое стихотворенье?"
Стал слышен гомон городской,
И все смотрели друг на друга
Кто — с любопытством, кто — с таской,
Кто — с выражением испуга.
Не вскинул я смущенных глаз
И замирал от испытанья,*

*Но на щеках моих зажглась
Невыдаваемая тайна.
Учитель понял. Взгляд его
Поверх очков задорным светом
Коснулся сердца моего,
Как будто ласковым приветом.
...А время шло. И началось
У полусумрачных оконеч
Мое страдание до слез,
До вдохновений, до бессонниц.
О, как Поэзия сильна!
Лишь безраздельно ей доверься,
В нужде, в беде она одна
Спасает исповедью сердца.
Я приносил с базара жмых
И грыз его, что камень черный,
А получался светлый стих,
Восходом утра золоченный.
Я бегал в домик на совет,
В котором жил словесник старый.
“А ты, похоже, что поэт”, —
Он ободрял и знаки ставил.
Он добрый был. И оттого
Душой учителю внимали
И лишь по отчеству его
Мы Иринарховичем звали...*

В моей недавней книге прозы “Искры памяти” есть очерк “И свет животворили! Наставник юношества Н. И. Янусов”. И есть коллективная фотография, на которой среди нас, выпускников, расположился и он, незабываемый учитель. Во взгляде таится спокойная мудрость. Да и во всем его крупном обличье, в приподнятости головы сквозит проповедническая и артистическая сущность. Уже позднее, после окончания учебы, мы узнали, что наш Николай Иринархович в своей юности, еще до 1917 года, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. А после нее обрел и светское высшее образование. Вот на какой глубокой основе сияло в нем учительство и проповедничество! Он молодел на уроках, книга в его вскинутой руке и впрямь светила, а голос его пламенел в

нас, в его учениках, притихших и зачарованных. Да, это был великий подвижник на ниве народного просвещения!..

Подобно ему трудились в педучилище и другие замечательные учителя. Это были личности! Вот въявь вижу, как идет по коридору директор Полиевкт Алексеевич Кипреев. Он историк, но не начетчик. Он строг, но справедлив. Он сутул, но очень зорок. Мы с Асей, моей будущей женой, бывало, уединимся в каком-нибудь общежитском закутке, простоим дотемна. Он пройдет мимо и будто не заметит нас. Не испугнет любовь! Это был мудрый директор. А завучем педучилища была Маргарита Ивановна Русиновская — молодая, красивая, требовательная. Мне кажется, она и до сих пор такая — полная доброй жизнедеятельности. Классным руководителем в группе, где я учился, была Екатерина Николаевна Сидорова. Смуглолицая, зоркоглазая, с короткой стрижкой. Иной раз казалось, что она чуть ли не ровесница нам. Но уже преподавала историю СССР, новую и новейшую историю мира. И дивились мы про себя, откуда в ней, такой молоденькой, столько исторических знаний. И всем классом полюбили Екатерину Николаевну за ее доброту. Никогда не забыть и Галину Петровну Максименко. Высокую, стройную и строгую красавицу, преподававшую нам математику и, кажется, еще геометрию. Лично для меня эта наука оказалась самой сложной. Она не давалась мне. А Галина Петровна требовала прорешать все задачи из учебника арифметики и создать свой “Решебник”. Одно это слово — “Решебник” — уже отзывалось во мне ледяной дрожью. И с громадными усилиями все же карабкался я по арифметическому взгорью. Но истинной радостью запомнился ее приезд на нашу педагогическую практику в одной из начальных школ под Вологдой. Там с другом Колей Паутовым работали мы азартно, ученики нас полюбили, и учительница, руководившая практикой, отзывалась о нас хорошо. Но жили мы впроголодь. Оба исхудали. И Галина Петровна, увидев нашу нищету, тут же положила на стол свои личные деньги. “Вот вам на пропитание!” Такое участие не забывается! Это было в 1948 году...

Хоть и трудно пробиваться сквозь прожитое время к далеким годам нашей юности, но мыслью своей, памятью возвращаться к ним надо. И мерцающий свет далеких дней вновь коснется души, и перед нами оживет минувшее. И увидим мы себя студентами. И не осудим бушевавшие в нас страсти. И предстанут перед нами дорогие институтские преподаватели — кандидаты и доктора наук, доценты и профессора.

Вот за кафедрой Олег Владимирович Шайтанов. Она для него, высоченного ростом, низка и вынуждает сутулиться. И черные вьющиеся волосы спадают на мудрый лоб. Он вскидывает их наотмашь и так увлекается, рассказывая нам о Древнем Риме, будто бы сам только что вернулся из тех веков, из того законодательного бело-мраморного сената. И мы, перестав шептаться, замираем, слушая о римских обычаях, законах и государственных переворотах... Олег Владимирович прочитал нам курсы античной, а затем и новейшей европейской литературы. Это было самое первое наше приобщение к мировой культуре.

Курс советской литературы вел Виктор Васильевич Гура. Трудное это дело, ибо понятие "советская литература" вовсе не художественное, а сугубо политическое. И легко было поскользнуться на такой леденистой идеологии. Ведь политики, стоящие у власти, не понимают и не ценят истинных произведений искусства, создаваемых в их руководящую пору. Необходимо время, чтобы шедевр осветился для читателей всей глубиной правды и красотой выраженной истины. Виктору Гуре, взявшемуся за преподавание советской литературы, удалось-таки избежать политических ошибок. И написал он труднейшее исследование "Тихого Дона", этого гениального романа Михаила Шолохова.

Помнятся и замечательные лекции Бориса Николаевича Головина, видного специалиста по языкознанию. Он уважительно, но очень требовательно анализировал наши творческие работы, удивляя своей филологической зоркостью. Я навсегда запомнил свои промахи и ошибки, подмеченные им в ту далекую студенческую пору. Он научил тщательно работать над выразительностью и точностью слова, над светоносностью поэтической строки, ибо в ней должна гнездиться своя тайна очарования...

Незабываемо с той поры и знакомство с почитаемым преподавателем старославянского языка Василием Сергеевичем Третьяковым. Благодаря только ему мы, начинавшие тогда стихотворцы, впервые соприкоснулись с великой поэзией Сергея Есенина. Она в ту пору не только не значилась в институтской программе, а была запрещена, как якобы поэзия кулацкая. Нп-ни! — чтоб никто не посмел публично о ней даже обмолвиться. Недолго тут и до исключения из института...

А В. С. Третьяков потихоньку приносил тайком нам — студентам Сергею Викулову, Валерию Дементьеву и мне, сопричастным

уже к поэзии, — запрещенные есенинские книги: “Радугицу”, “Москву кабацкую”, “Березовый ситец”. После Багрицкого с его “Смертью пионерки” и “Думой про Опанаса”, после Безыменского, Кирсанова и других политических стихотворцев это был потрясающий переворот в нашем сознании: вот что такое истинная Поэзия! Вот где могущество русского слова!..

Вологодский пединститут я окончил в 1952 году. Не могу сказать, каким оказался учителем, — не довелось. Стал журналистом и писателем. А русское писательство от века является народным просветительством. С древних времен на Руси рядом стоят наставник и просветитель, учитель и писатель. Они поводыри детства и юношества не только в ученье, а в самой повседневной жизни. Они заступники обиженных и униженных, утешители скорбящих, поводыри потерявших свой путь. Да, я не стал учителем, зато для жены моей, Анастасии Александровны, школьное дело стало судьбой и радостью жизни. Идет она рядом со мной из незабываемых педучилищных и институтских лет, и все друзья-товарищи наши называют ее, как в молодости, весело и тепло Асей. Вот ей и выпало счастье продолжить святое дело Николая Иринарховича Янусова. И с тех пор ее называют уже по имени отчеству — Анастасией Александровной. Я видел, как тщательно готовилась она к урокам, как обстоятельно проверяла тетради и радостно читала мне — “послушай, послушай!” — лучшие ученические сочинения и другие творческие работы. Да, учительство — это судьба, призвание, явленное свыше.

Ох, слишком рано пробивается седина на умных головах! Оглянулась Анастасия Александровна, а вокруг нее шумят уже не ученики, а внуки и внучки. И самые первые расспросы — об их ученье и оценках: что изучают, что читают. Мало, ох, мало! И внука Ваню вновь усаживает за стол и диктует очередной диктант. Взгляну я на них со стороны и вижу: наш Ваня и вправду светлеет лицом, и все меньше у него грамматических ошибок...

Но вонсгину “педагогической” радостью озаряется она, когда приходит навестить нас младший сын — учитель, уже третий в нашем роду Александр Александрович Романов. Он трудится с полной отдачей своих молодых сил в Вологде, в средней школе. И он не только преподаватель литературы, а еще и заведующий учебной частью. Дел уйма!..

В этих беспокойных трудах сопутствует ему жена Надежда Сергеевна. Работает она воспитателем в детском доме, где при живых родителях, спившихся и сбившихся с пути, учатся и живут брошенные дети. Вот страшная пропасть нынешней жизни! Родители отрезаются от своих детей! Есть ли на свете более страшный и позорный грех!..

И как же нам, матери и отцу, отдающим силы свои народному просвещению, не понимать сына и невестки, озабоченных такой разрухой семейных жизней. “Вот и осунулся сын от переживаний, забот, да впридачу еще и от безденежья”, — горюем мы, родители. И узнаем от сына, что директор их школы много лет мается с семьей в одной крохотной комнатенке. И в какие высокие двери ни стучится за помощью, везде получает равнодушный отказ*.

Да, в годы смут и потрясений всегда выявляются на Руси творцы свежих идей и спасательных дел. Вот очень заинтересованно ознакомился с исследованием вологодского профессора Ивана Дмитриевича Лушников “Современная русская школа”. Он пишет: “История нашей национальной педагогической мысли сегодня оказалась неостребованной, и современная школа в стране изолирована от отечественной педагогической мудрости. Нынешняя школа напоминает парусник без руля и без ветрил, подвластный всяким веяниям: развязному субъективизму, лобой “идее” из-за рубежа, массовым пустым “инновациям” и т.п.”.

Профессор Лушников утверждает: “Стихийного самовывживания не бывает и не будет без сохранения трех источников, питающих жизненные силы народа и государства, — без образования, воспитания и культуры. Крайне необходимо, — продолжает он, — полномасштабно осмыслить эту угрожающую нам ситуацию и взяться за наше духовное и физическое оздоровление, без чего Оте-

*Для справки: директор гимназии в дореволюционной России приравнивался к званию генерал-майора. По чину ему полагались шинга, выходной мундир, жилая площадь не менее шести (!) комнат. Получал же директор 2,5 тысячи рублей в год (теми, царскими, деньгами!), мог получить иррегулярно, не превышающую годового оклада, и другое. За особые отличия директор учебного заведения мог быть награжден орденами святой Анны, святого Владимира, святого Станислава. Вот что было тогда и что есть сейчас. Сравнение удручает своей безысходностью. По рассказам сына да и из газет узнаю, что многие учителя живут и того хуже. Не о наградах, а о нищенской зарплате, выданной вовремя, мечтают они... Господи, помоги им выстоять в такой разрухе!

чество будет исторически обречено". Далее профессор размышляет о необходимости коренного поворота к забытым нами божественным истинам: "Религия, как и нравственность, направляет человека к Добру. Она же является и одним из смыслов русской школы. Поэтому особые отношения она устанавливает с русским Православием, видя в нем союзника в нравственном воспитании детей, в формировании национального самосознания, в единении русских людей, в возрождении уважительного отношения к нашим многовековым святыням".

Какие идейные богатства пребывают по сию пору не востребованными нами! Чего стоит, к примеру, одна лишь логико-психологическая теория Нила Сорского (1433-1508 гг.) о возникновении человеческих страстей. Это был замечательный церковный деятель и писатель, путешествовавший по Палестине и по возвращении на родину основавший первый русский скит на реке Соре, в близости с Кирилловским монастырем. Он утверждал, что нашей Душе досаждают различные "мысленные брани", замутняя ее и вселяя в нес пороки. Начинается все с того, что внешние предметы и явления через чувства "объявляются" уму и превращаются в простые "помыслы". Это — первая стадия зарождения страсти. Называется она "прологом".

Страсть может не развиваться, и "пролог" в таком случае не несет греха. Если же ум принимает "помыслы", то наступает вторая стадия — "сочетание". На этой стадии мысль уже не защищена полностью от греха. Третья стадия — развитие страсти. Называется она "сложение". То есть Душа соглашается с искушением, с этим "вражьим помыслом". И вот человека захватывает четвертая стадия. Называется она "пленением". Страсть уже полностью завладевает человеком. И Душа изменяется соответственно ее "земному пленению", зачастую погибельному.

Таков философский расклад Нила Сорского. Почти пять веков минуло, как этот великий мудрец размышлял о человеческом потакании своим неудержимым страстям, а следовательно, и о дьявольском нас искушении. Есть о чем и нам задуматься, знакомясь с трудами древнерусских подвижников и мудрецов. Всего за восемьдесят лет — с 1917 года — диктаторской марксистской идеологии в России, то есть за три поколения, сильно ослабла наша национальная самобытность и самостоятельность. Мы теперь находимся на переломе своей народной судьбы. Вот почему в пору нам

спохватиться и задуматься о своем исконно национальном образе жизни, которая проходила па Руси в тяжких и радостных трудах на земле-кормилице. Ее сопровождали церковные звоны, языческие и православные праздники, обычаи, связанные с природой-матушкой.

Но с тридцатых годов большевистская власть принялась теснить эти народные традиции. И вместо них насильно утверждать уже иные — политические: Октябрьскую, Первомайскую и т.п. Уничтожив многовековые праздники, связанные с природой, с крестьянством и православной верой, на место их декретом и силой утверждались праздники, чуждые народному большинству. Такая властность и стала выстужать в нас все исконно национальное, родное и любимое...

Так случилось, что однажды попросили меня выступить на областном совещании учителей, где обсуждались важные вопросы о русской национальной школе. "Наконец-то!" — обрадовался я. И сын Александр, помогая мне подготовиться, рассказал, как в их школе некоторые начальные классы уже учатся по новым программам. И принес учебное пособие "Истоки" для учащихся второго класса. Автор его — профессор Вологодского университета Александр Васильевич Камкин. Любо взять в руки эту книгу. Какие зазывные и поучительные в ней разделы! "Родной очаг" (семья, род, имя, дом, деревня, город), "Родные просторы" (лес, путь-дорога, река, нива и поле, море-океан), "Труд земной" (сев и жатва, братья наши меньшие, мастера-плотники, кузнецы-волшебники, ткачихи-рукодельницы, ярмарка), "Труд души" (слово, сказка, книга, праздник, песня, икона, храм). Учебник радуется простым, свежим, истинно русским языком. Задушевные и выразительные в нем авторские размышления о важных и в то же время таких близких для учеников предметах, понятиях, природных явлениях. А как свежо "цветут" в "Истоках" рисунки художника В. Яковлева!

И хорошо, что к учебному пособию "Истоки" прилагается "рабочая тетрадь", составленная Натальей Владимировной Котельниковой. Здесь разные задания, которые предполагают именно труд ума и души любознательного ученика. Ему, например, предлагается составить свое "генеалогическое древо". Это интересное и полезное занятие. Ведь в основании такого "древа" — имена бабушки и дедушки. И все другие задания обращены к душе юного человека, чтобы он, взрослая, знал свои родные корни и нравственные истоки жизни русского народа.

Отрадно отметить, что вологодскими учеными в сотрудничестве с Московской технологической школой бизнеса (директор И. А. Кузьмин) и при финансовой поддержке “Ворот Севера” выпускаются и другие подобные книги: “Истоки. 1 класс” (И. А. Кузьмин, В. Ю. Яковлев), “Культура речи” — учебное пособие для 1, 2, 3 классов (И. Б. Голуб), “Истоки. 5 класс” (А. В. Камкин) и другие.

Директор технологической школы И. А. Кузьмин вместе с руководством “Ворот Севера” (администрация, начальники отделов — в прошлом тоже учителя, люди, радеющие о педагогике) уже не первый год участвуют в благородном деле: проводят педагогические курсы для учителей, воспитателей детских садов, мастеров училищ в Вологде и области. Такие добрые дела все-таки подвигают нас вперед!.. Это так важно в теперешнее время.

...Вот вновь встреча с работниками народного просвещения, собравшимися со всей огромной нашей области. И распахнут перед ними институт усовершенствования учителей. Директор его, профессор Валерий Васильевич Судаков, сдержанно взволнован. Он знает наперед, о чем вскипят учительские речи. И хмурится, мучительно выискивая возможные выходы для облегчения страдающего учительства...

По его приглашению и мне довелось выступать на таких встречах, слушать учительские суждения, предложения и горькие обиды на нынешнюю власть. И всякий раз дивиться, что живо еще упорное вологодское учительство. Уверен, ни в какой другой стране такого унижения учителя, как в сегодняшней России, не бывало и нету нигде.

Вот возвращаюсь с такой встречи домой, рассказываю жене, отдавшей свои лучшие годы педагогическому труду, о теперешних школьных бедах, и вдруг оба немеем. Сидим, оглушенные будничным голосом, сообщившим по вологодскому радио: “Директор Спасской школы объявил голодовку в знак протеста против невыплаты честно заработанных денег учителям. Им выдали на руки только по пятьдесят тысяч”...

Пятьдесят тысяч — да как же можно теперь на них прожить? Ведь это ни что иное, как издевательство властей над бедным учительством — над самыми благородными и бескорыстными тружениками и подвижниками на Руси-матушке... Чем же такие люди живы? Любовью и верой! Верой, что нищенствовать придется не век. Низкий поклон вам за любовь вашу и веру.